

«...Пестель был слабее и истомленнее прочих, он едва переступал по земле. Когда он, Муравьев-Апостол, Бестужев и Рылеев были выведены на казнь, уже не в мундирных сюртуках, а в рубашках, они расцеловались друг с другом как братья; но когда последним вышел Каховский, ему никто не протянул руки».

Из воспоминаний В.И. Беркопфа

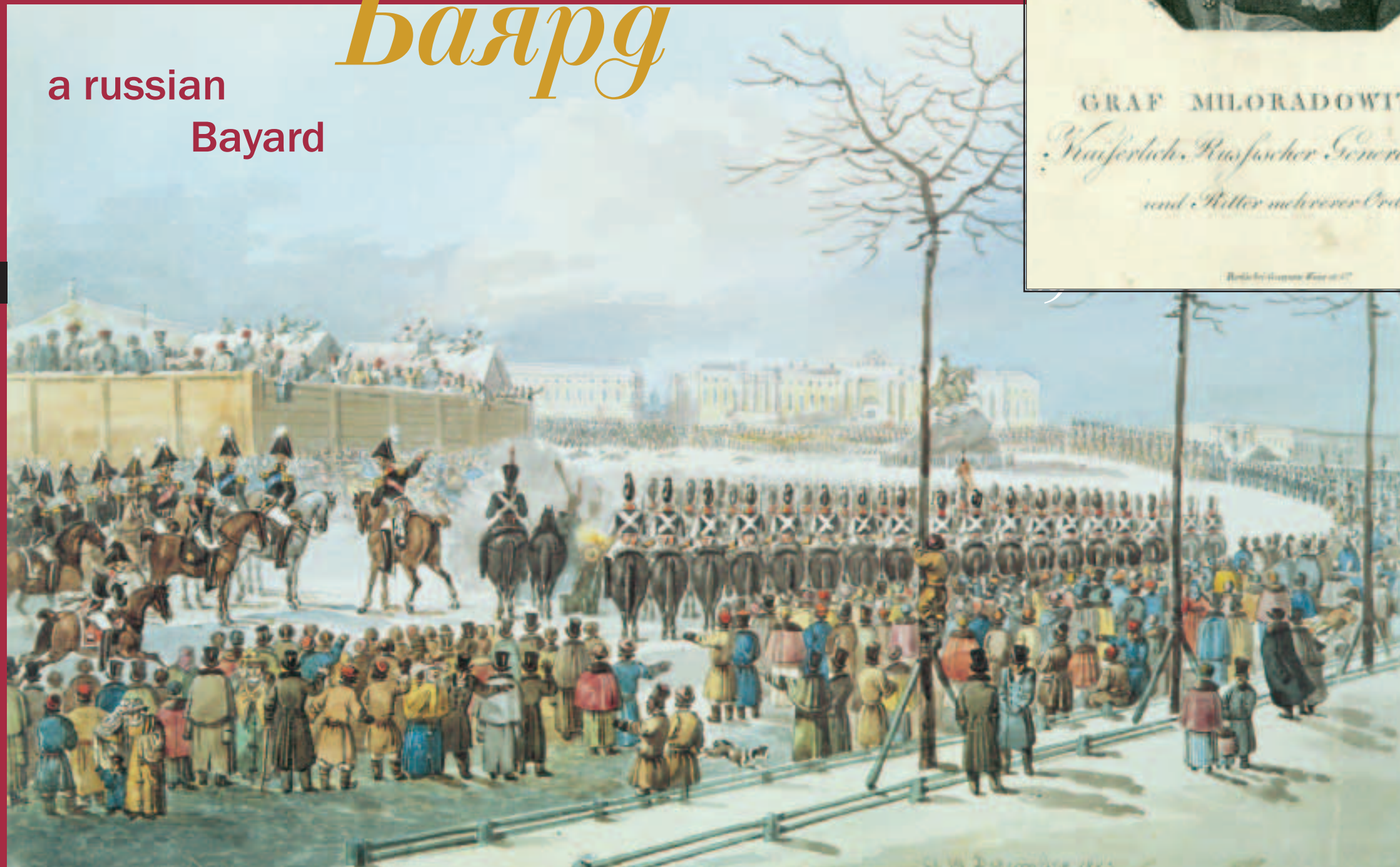
“Pestel was weaker and wearier than the others; he could barely move his legs. When he, Muravyev-Apostol, Bestuzhev and Ryleyev were brought out for execution, not in uniform coats, but in their shirts already, they kissed each other like brothers, but when Kakhovsky came out last no-one offered him his hand.”

From the memoirs of Vasily Berkopf

русский Баярд

a russian
Bayard

С. С. Шульц-мл./
by S.S. Shults Jr.

Вверху. Граф Михаил Милорадович. Гравюра Болингера.

Слева. Восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Акварель Кольмана.

Above. Count Mikhail Miloradovich. Engraving by Bolinger

Left. The Uprising of 14 December 1825 on Senate Square. Watercolour by Karl Collmann.

Начальник кронверка Петропавловской крепости Василий Иванович Беркопф стал свидетелем казни пяти декабристов — основных вдохновителей и зачинщиков мятежа 14 декабря 1825 года. Он смог и ответить на вопрос: почему же отставному поручику Петру Каховскому было отказано даже в предсмертном рукопожатии его недавними друзьями и единомышленниками. Ведь перед событием на Сенатской площади он жил на их содержании. Каховский, по свидетельству декабриста Ивана Якушкина, «проигравшись и разорившись в пух и прах, приехал в Петербург в надежде жениться на богатой невесте». Дело с женой расстроилось: Софью Салтыкову испугал этот импульсивный, неуравновешенный, эгоистичный человек. «В его поступках столько противоречий, что я не знаю, что сделать, чтобы угодить ему», — написала девушка в письме подруге.

Незадачливого жениха в буквальном смысле подобрали на улице руководители Северного тайного общества. Отчаявшийся Каховский был готов на все, утверждая, как записано в протоколах допросов, что «священных особ царствующего дома надобно истребить всех вдруг, чтобы менее было замешательств». Однако Каховский убил не будущего императора Николая I, а петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича. Этого, по словам Беркопфа, «никто из преступников не мог простить ему и перед смертью».

Those lines are taken from the memoirs of Vasily Berkopf who witnessed the hanging of the five Decembrists, the main instigators and leaders of the mutiny of 14 December 1825. Why did Piotr Kakhovsky's erstwhile friends and confederates refuse to even shake his hand before death? After all, before the mutiny they had supported him financially. According to another of the Decembrists, Ivan Yakushkin, “having gambled his money away and ruined himself completely [Kakhovsky] came to St Petersburg in the hope of marrying a rich bride.” His matrimonial plans did not come off.

The leaders of the future uprising accepted the ill-starred bridegroom into their secret society. The desperate Kakhovsky was prepared for anything, asserting, so the interrogation records show, that “the sacred members of the ruling house should all be exterminated suddenly, so that there would be less confusion”. Yet it was not the future Emperor Nicholas I that Kakhovsky killed, but the Governor General of St Petersburg, Mikhail Miloradovich. And that, according to Berkopf, “none of the criminals could forgive him even in the face of death.”

Если составить списки героев и предателей, убедишься, что многие люди — в том числе и некоторые наиболее знаменитые в XIX и XX веках, — совершившие немало героических поступков, в трудные, критические минуты жизни вынуждены были идти на низкие компромиссы, граничившие с предательством, а иногда и прислуживать деспотам, которые правили странами, где они жили. Невозможно однозначно осуждать или всецело оправдывать таких людей. Однако сохранились в памяти современников и потомков и несомненные герои. Один из них — граф Михаил Андреевич Милорадович, которого современники недаром называли «русским Баярдом», рыцарем без страха и упрека.

Слава Милорадовича пережила самого героя и долго будоражила русские умы. Личность генерала была не только овеяна боевой славой, но и породила множество анекдотов, которые были изданы внушительным томом в 1894 году. Увы, после революции 1917 года о нем было принято вспоминать лишь как о человеке, который выступил против декабристов. Получается, пуля Каховского поразила не только самого героя, но и память о нем. Пожалуй, пора вернуть на небосклон русской истории одну из самых ярких звезд — Михаила Андреевича Милорадовича.

Появление его предков в России напрямую связано с именем Петра I. В 1711 году братья Михаил, Гавриил и Александр Милорадовичи, происходившие из старинного сербского рода, поступили на тайную службу к Петру I и согласились призывать православных сербов к восстанию против турок. Однако вскоре они вынуждены были бежать в Россию. Петр I в 1715 году назначил Михаила Милорадовича полковником. Его внук Петр Степанович Милорадович (1723—1799) некоторое время жил в Петербурге и служил при дворе императрицы Екатерины II, потом был полковником в Чернигове. Он женился на Софье Семеновне Полуботок, внучке украинского гетмана Павла Полуботка, и получил в приданое огромное имение Полуботков (Петр Степанович Милорадович — пра-пра-пра-прадед автора этого очерка. — Прим. ред.).

Младший брат Петра, Андрей Степанович Милорадович (1727—1798), участвовал в Семилетней войне с Пруссией, а затем в войне с Турцией. Вместе с Суворовым он командовал русскими войсками в битве при Козлуджи, где турки потерпели сокрушительное поражение. В 1779 году Андрей Степанович был произведен в генерал-поручики, а вскоре назначен черниговским наместником. 10 октября 1771 года у него родился сын Михаил.

Получив графское достоинство, М. А. Милорадович сам избрал девиз для своего графского герба: «Ma droiture me soutient» («Моя прямота меня поддерживает») — и всегда был верен этому девизу.

When he became a count, Mikhail Miloradovich himself chose the motto for his coat of arms: Ma droiture me soutient — “My rectitude supports me”. He was always faithful to that motto.

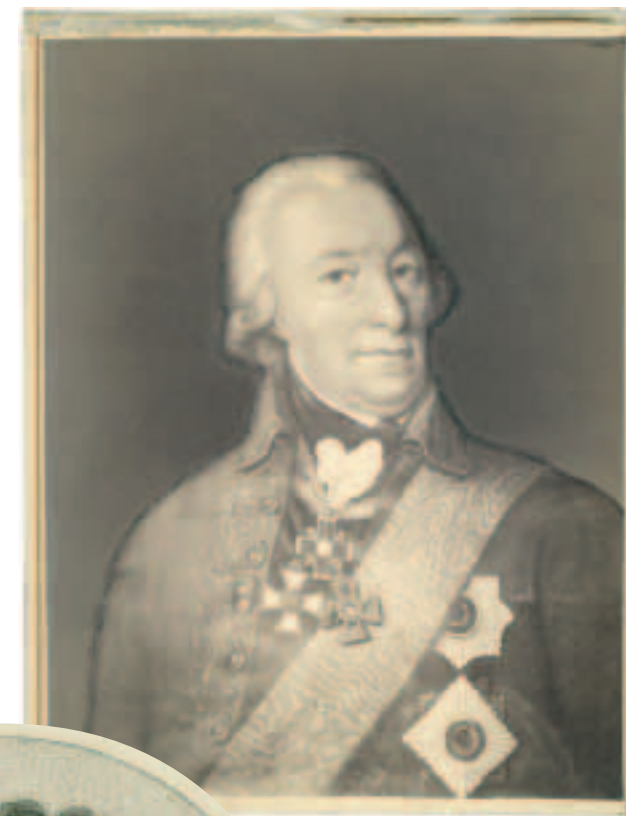

Андрей Степанович Милорадович, отец прославленного генерала.

В центре. Граф Михаил Андреевич Милорадович. Гравюра Энднера.

Andrei Stepanovich Miloradovich, the father of the celebrated general.

In the centre. Count Mikhail Andreyevich Miloradovich. Engraving by Endner.

Полковник Михаил Ильич Милорадович, поступивший на службу к Петру I.
Colonel Mikhail Ilyich Miloradovich who took service with Peter the Great.

Император Павел I. Портрет работы С. Щукина. 1796 год.

Emperor Paul I. Portrait by Stepan Shchukin. 1796.

Подтянутый, молодцеватый и исполнительный офицер благополучно пережил плац-парадные испытания и муштру в царствование Павла I и в 1798 году стал генерал-майором и командиром Апшеронского мушкетерского полка.

The smart, dashing and efficient officer successfully rode out Paul I's reign with its emphasis on parade-ground show and “square-bashing”. In 1798 he was made a major general and commander of the Apsheronky Muskateer Regiment.

From earliest times, from the very moment when human beings began singling out and remembering events in their history, they started to appraise the deeds of others. The words “hero” and “traitor” or their equivalents are among the most ancient in the majority of the world’s languages. They appear in the very first lines of Homer’s *Iliad*. They are key concepts in Herodotus’ *History*. Dante placed the three greatest traitors in history — Judas Iscariot, Brutus and Cassius — in the very heart of Hell, where Lucifer crushes them in three of his monstrous jaws.

Yet many people who had performed no few heroic deeds were obliged at critical moments in their lives to accept unworthy compromises bordering on betrayal, and sometimes to attend upon the despots who ruled the countries where they lived. It is impossible to utterly condemn or wholly excuse such people. Human memory has, however, retained some undoubted heroes. One of them is Count Mikhail Miloradovich, whom contemporaries called “a Russian Bayard” — a knight without fear and without reproach.

Miloradovich’s fame outlived the hero himself and stirred Russian minds for many more years. Sadly, after the 1917 revolution it became permissible to refer to him only as a man who had taken sides against the Decembrists. The time is probably ripe to return to the firmament of Russian history one of its brightest stars — Mikhail Miloradovich.

The appearance of his ancestors in Russia was due to Peter the Great. In 1711 the brothers Mikhail, Gavriil and Alexander Miloradovich, members of an old Serbian family, entered the secret service of Tsar Peter and agreed to call upon the Orthodox Serbs to revolt against the Turks. Soon, however, they were forced to flee to Russia.

In 1715 Peter appointed Mikhail Miloradovich a colonel. His grandson, Piotr Miloradovich (1723—1799) served at the court of Empress Catherine II. [The author of this article is Piotr Miloradovich’s great-great-great-great-grandson — Editors.]

Piotr’s younger brother, Andrei Miloradovich (1727—1798), took part in the Seven Years’ War against Prussia and then in a war with Turkey. On 10 October 1771 his son Mikhail was born.

«МИША, ТЫ БУДЕШЬ СЛАВНЫЙ ГЕНЕРАЛ»

Отец прославленного генерала, Андрей Степанович Милорадович, просил Екатерину II вместо пожалованного ему ордена Святого Александра Невского записать его малолетнего сына в лейб-гвардии Измайловский полк. Дело по тем временам обычное, но в отличие от других вельможных отцов, заботившихся только о чинах для своих недорослей, Милорадович стремился дать сыну разностороннее образование. Он отправил Михаила в Кенигсбергский и Геттингенский университеты, а для усовершенствования в военных науках — в Мец и Страсбург. По возвращении домой Михаил произведен в 1787 году в прапорщики Измайловского полка и в 19 лет уже участвовал в Шведском походе. Его ум и храбрость обратили на себя внимание императора Павла I. Он произвел Милорадовича в 1797 году в полковники, а в следующем году — в генерал-майоры и назначил шефом Апшеронского мушкетерского полка, который вскоре был направлен к Суворову для участия в Итальянском походе.

При представлении генералов главнокомандующему Суворов сказал Милорадовичу: «Я едал у друга моего, вашего отца Андрея, славные пироги, о, да какие вкусные, и вас помню. Миша, ты будешь славный генерал». Милорадович

оправдал эти слова. Участвуя в сражениях при Лекко, Кассано, Требии, Нови и Вердерио, где он взял в плен генерала Серюрье, Милорадович проявил удивительную храбрость и находчивость. Итальянскую кампанию он завершил блестяще командуя арьергардом русских войск при переходе в Мутенталь, за что был награжден орденом Святого Александра Невского. В Швейцарском походе Милорадович приобрел дружбу и особое расположение великого князя Константина Павловича, от которого получил в подарок шпагу с надписью: «Другу моему Милорадовичу».

В Аустерлицком сражении против Наполеона в декабре 1805 года Милорадович в сложнейших обстоятельствах «вел себя с обычным мужеством»: с колонной в 4000 человек он удерживал атаку 10 000 французов, а затем с князем Багратионом прикрывал отступление армии. В начале последовавшей за этим войны с турками Милорадович победой при Бухаресте (ныне — Бухарест) спас Валахию от разорения. Благодарные жители города преподнесли ему шпагу с надписью: «Спасителю Бухареста». В апреле 1810 года Милорадович был назначен Киевским военным губернатором. Киевляне долго вспоминали как золотой век время его управления.

rious general.” Miloradovich justified that assertion. He participated in many battles, displaying amazing courage and resourcefulness. He finished the Italian campaign superbly, for which he was awarded the Order of Saint Alexander Nevsky. In the Swiss campaign that followed Miloradovich gained the friendship and particular favour of Paul I’s second son, Grand Duke Konstantin who presented him with a sword inscribed “To my friend Miloradovich”.

At the battle against Napoleon at Austerlitz, in extremely difficult conditions Miloradovich with a column of 4,000 held off the onslaught of 10,000 Frenchmen. At the beginning of the war with the Turks that broke out afterwards Miloradovich won a victory at Bucharest that saved Wallachia from devastation. The grateful citizens of the city presented him with a sword inscribed “To the Saviour of Bucharest”. In April 1810 Miloradovich was appointed military governor of Kiev. The Kievans long remembered his time in office as a golden age.

“MISHA, YOU WILL BE A GLORIOUS GENERAL”

The celebrated general’s father requested Catherine II that instead of the Order of St Alexander Nevsky that he had been awarded his young son be enrolled in the Life Guards Izmailovsky Regiment. But the father did not only concern himself with his son’s career, he also sought to give him a broad education. Mikhail was sent to the universities of Königsberg and Göttingen, as well as Metz and Strasbourg to perfect his knowledge of military science. On his return home the 19-year-old Mikhail took part in the Swedish campaign. His intelligence and courage caught the attention of Emperor Paul I. In 1797 he promoted Miloradovich to colonel. The following year he made him a major general and sent him to the commander-in-chief Suvorov to join in the Italian campaign.

When they met, Suvorov told Miloradovich, “I ate some splendid pies at the home of my friend, your father Andrei. How tasty they were. And I remember you. Misha, you will be a glo-

УТРО АУСТЕРЛИЦКОГО СРАЖЕНИЯ.
Съ гравюра Шарона, сдѣланой съ картины Нодье.

Вверху. Утро Аустерлицкого сражения. Гравюра Шарона с картины Нодье.

Справа. Александр Суворов. Гравюра на стали Шмидта.

Above. The Morning of the Battle of Austerlitz. Engraving by Charonne from the painting by Nodier.

Right. Alexander Suvorov. Steel engraving by Schmidt.

Во время Итальянского похода А. В. Суворов приблизил М. Милорадовича к себе, сделал своим дежурным генералом. Милорадович оказался достойным учеником великого полководца: он усвоил суворовскую удадь, предприимчивость и доброе отношение к солдату.

During the Italian Campaign Alexander Suvorov brought Mikhail Miloradovich into his close circle, making him his orderly general. Miloradovich proved a worthy pupil of the great commander: he emulated his daring and enterprise, and also his warm attitude to his men.

ГЕРОЙ НА КРОВАВОМ ПИРУ

Особенно прославился Милорадович, как умом, так и беззаветной храбростью, в Бородинской битве. Ее участник Федор Глинка так описал своего генерала: «Вот он на прекрасной, прыгающей лошади сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденовыми звездами. Он сам одет щегольски, в блестящем генеральском мундире, на шее кресты, на груди звезды, на эфесе шпаги горит крупный алмаз. <...> Высокий султан волновался на высокой шляпе. Он, казалось, оделся на званый пир... Он разъезжал по полю смерти, как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку и дружески разговаривал с солдатами: “Стой, ребята, не шевелись! Дерись, где стоишь! Я далеко уезжал назад: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, везде бьет! В этом сражении трусу нет места”».

При отступлении к Москве Милорадович командовал арьергардом, сдерживая врага. Убедившись, что выезды из города забиты обозами, Милорадович послал адъютанта к маршалу Мюрату сказать, что если французы хотят занять Москву невредимой, то они должны дать русским войскам и жителям спокойно выйти из Москвы, а иначе Милорадович будет сражаться перед городом и в

улицах до последнего человека и оставит одни развалины. Мюрат знал Милорадовича как достойного противника и принял его условия.

ОТЕЦ СОЛДАТАМ

По окончании Отечественной войны Александр I в Вильно собственноручно вручил Милорадовичу орден Святого Георгия 2-й степени и Святого Владимира 1-й степени.

27 января 1813 года русская армия под командованием М. А. Милорадовича вступила в Варшаву, ключи от которой были переданы Милорадовичу накануне тем мэром Варшавы, который подносил их и Суворову. Милорадович потребовал от своих солдат полного уважения к варшавянам и жестоко карал тех, кто был замечен в мародерстве. Жители Варшавы навсегда сохранили к нему глубокую признательность и уважение.

За кампанию 1813 года Александр I пожаловал Милорадовичу высшую награду Российской империи — орден Святого Андрея Первозванного, украшенную лаврами золотую шпагу с надписью: «За храбрость», 50 000 рублей и графский титул.

По возвращении из походов Милорадович был назначен командиром Гвардейского корпуса; он пользовался огромной популярностью, солдаты боготворили его.

let the Russian forces and inhabitants leave the city unmolested, otherwise Miloradovich would give battle before the city and in the streets fighting to the last man and leave nothing but ruins. Murat knew Miloradovich as a worthy opponent and accepted his conditions.

A FATHER TO HIS SOLDIERS

After Napoleon had been driven from Russia, Alexander I personally invested Miloradovich at Wilno with the Order of Saint George Second Class and the Order of Saint Vladimir First Class.

On 27 January 1813 a Russian army commanded by Miloradovich entered Warsaw. Miloradovich demanded complete respect for the inhabitants from his troops and severely punished those who were caught looting.

For the 1813 campaign Alexander I awarded Miloradovich the Russian Empire's highest decoration — the Order of Saint Andrew the First-Called, a gold sword decorated with laurels and inscribed “For valour”, 50,000 roubles and the title of count.

On his return from the wars Miloradovich was appointed commander of the Corps of Guards. He was immensely popular and the soldiers idolized him.

Сражение под Москвой
7 сентября 1812 года.
Литография из альбома
«Feldzug 1812 in
Russland».
The Battle
outside Moscow
on 7 September 1812.
Lithograph from
the album *Feldzug 1812
in Russland*.

В сражении при Нови войска под командованием М. Милорадовича и П. Багратиона внесли решающий вклад в победу, разгромив французские части, оборонявшиеся в центре позиции. В Бородинском сражении князь Багратион был смертельно ранен.

In the battle at Novi during the Italian Campaign, the troops commanded by Miloradovich and Piotr Bagration made a decisive contribution to the victory by routing the French units holding the centre of the enemy position. Prince Bagration was fatally wounded at Borodino.

Князь П. Багратион.
Гравюра И. Ческого.
Prince
Piotr Bagration.
Engraving by Ivan
Chesky.

БЕСПОРЯДОК С УТОНЧЕННЫМ ВКУСОМ

Летом 1818 года Милорадович сопровождал Александра I в Крым и окончательно приобрел дружеское расположение императора. В том же году он был назначен Петербургским военным генерал-губернатором. Квартира Милорадовича в доме Калержи на Невском проспекте, 12, по словам историка А. И. Михайловского-Данилевского, походила на «магазины мебели или изящных художеств по великому множеству разнообразных предметов и вещей, в них находившихся; я не видел нигде подобного убранства: это был совершенно беспорядок, соединенный с утонченнейшим вкусом. Например, тут стояли картины Тициана, Вернета, Сальватора Розы, Гвидо Рени, а подле них книги, планы, птицы, трубки, янтарные мундштуки и два фортепиано. Почти каждая горница имела свое собственное освещение; в одной свет происходил от восковых свечей, в другой — от алебастровых ламп, в третьей — свечи были приспособлены таким образом, чтобы их не было видно, и они освещали одни картины. Одна комната была вся зеркальная: не только стены, но и потолок состоял из зеркал; другая комната убрана была диванами на турецкий манер, и в ней повешены были самые сладострастные картины. Посреди библиотеки был птичник; прекрасные мраморные статуи находились повсюду. „Где же ваша спальня?“ — спросил я его. „У меня нет спальни, — отвечал он, — я провожу ночь, где мне вздумается“».

Конец Бородинского сражения.
С картины В. Верещагина.
The End of the Battle of Borodino.
From the painting by Vasily Vereshchagin.

Великий князь
Константин Павлович.
Раскрашенная гравюра
с рисунка Кия. 1810-е годы.
Grand Duke Konstantin
Pavlovich. Tinted engraving
from a drawing by Kiel. 1810s.

DISORDER WITH EXQUISITE TASTE

In 1818 Miloradovich was appointed military Governor General of St Petersburg. In the words of the historian Alexander Mikhailovsky-Danilevsky, his apartment at 12, Nevsky Prospekt resembled a “furniture shop or fine art dealer’s for the great quantity of diverse objects and items it contained. I never saw such furnishings anywhere: it was complete disorder coupled with the most exquisite taste. ... Almost every room had its own kind of lighting: in one light was provided by wax candles, in another by alabaster lamps; in a third the candles were placed in such a manner that you could not see them and they lit the paintings alone. One room was fully lined with mirrors: not just the walls, but the ceiling too was made of mirrors. Another room was furnished with divans in the Turkish manner and the most salacious paintings hung there. In the middle of the library there was an aviary. Beautiful marble statues were everywhere. ‘Where is your bedroom,’ I asked him. ‘I don’t have a bedroom,’ he replied. ‘I spend the night where I feel like.’”

«ПУШКИН ПЛЕНИЛ МЕНЯ...»

При Милорадовиче состоялся в качестве чиновника по особым поручениям поэт и будущий декабрист Федор Глинка. В своих воспоминаниях он описывает, как однажды, когда он явился к своему начальнику, Милорадович, «лежавший на своем зеленом диване, закутанный в дорогие шали, закричал навстречу: „Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин. Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: „Граф! Все мои стихи сожжены: у меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все найдется здесь (он указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкой, что мое и что разошлось под моим именем“. Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь. Вот она (граф указал на стол у окна), полюбуйте. Завтра я отвезу ее Государю. А знаешь ли, Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения“. На другой день я пришел к Милорадовичу пораньше. Он возвратился от Государя, и первым словом его было: „Ну вот, дело Пушкина и решено!“ И про-

Адъютант М. Милорадовича декабрист Ф. Глинка посвятил генералу множество стихотворений. Гравюра Афанасьева.
Mikhail Miloradovich's adjutant, the Decembrist Fiodor Glinka, dedicated many of his poems to the general. Engraving by Afanasyev.

Благодаря заступничеству Михаила Милорадовича Александр Пушкин был не сослан, а переведен на чиновничью должность в Екатеринослав.

Thanks to Mikhail Miloradovich's intercession, the poet Pushkin was not banished, but transferred to a civil service post in Yekaterinoslav (now Dnepropetrovsk in the Ukraine).

должал: „Я подал Государю тетрадь и сказал: "Здесь все, что разбрелось в публике, но Вам, Государь, лучше этого не читать". Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно и, наконец, спросил: "А что же ты сделал с автором?" – "Я? Я объявил ему от имени Вашего Величества прощение!" Тут мне показалось, что Государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: "Не рано ли?" Потом, еще подумав, прибавил: "Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг". Вот как было дело“.

“PUSHKIN CHARMED ME...”

The poet and future Decembrist Fiodor Glinka was attached to Miloradovich as officer for special assignments. In his memoirs he described how once when he presented himself to his superior, Miloradovich, “lying on his green divan, shouted when he saw me, ‘Know what, old chap? I’ve just had Pushkin here. I was ordered to seize him and take away all his papers, but I considered it more tactful to invite him here and to demand the papers from him personally. So, he presented himself, quite calm and cheerful looking, and when I asked him about the papers he replied, “Count, all my verses have been burnt. You will not find anything in my apartment, but if you like, everything’s up here (pointing to his forehead). Have some paper brought and I will write out everything I have ever written (apart from what has been printed, of course), marked what is mine and what’s been put about under my name.” Paper was brought. Pushkin sat and wrote and wrote ... a whole notebook full. There it is (the Count pointed to the table by the win-

dow), feast your eyes. Tomorrow I’ll take it to the Emperor. But, you know what? Pushkin charmed me with his noble tone and manner.’ The next day I came to Miloradovich somewhat earlier. He arrived back from the Emperor and the first thing he said was, ‘That’s it then, the Pushkin business is settled.’ Then he went on, ‘I gave the Emperor the notebook and said, “Here is everything that has been doing the rounds of people, but it would be better of you didn’t read it, Sire.” Then I told him in detail what happened between us. The Emperor listened carefully and at the end asked, “But what did you do with the author?” – “Do? I granted him forgiveness on Your Majesty’s behalf!” At that point the Emperor seemed to me to frown slightly. After keeping silent for a while, he said animatedly, “Wasn’t that premature?” Then, after thinking some more, he added “Well, since that’s the way of it, we’ll do things differently: have Pushkin fitted out for a journey and, keeping it as plausible as possible, send him to serve in the south.” That’s how it was.”

Александр Пушкин. Гравюра на стали.
Alexander Pushkin. Steel engraving.

Император Александр I. Портрет из альбома «Александр I и война 1812 года».
Emperor Alexander I. Portrait from the album Alexander I and the War of 1812.

ЕСТЬ УПОЕНИЕ В БОЮ

В начале осени 1822 года Милорадович переехал в предоставленные ему казенные апартаменты на Большой Морской улице. Привыкший к трудностям и опасностям армейской жизни, он в мирное время откровенно скучал: мог часами валяться на диване, покуривая трубку и с тоской повторяя: «Войны нет!»

На посту генерал-губернатора он с энтузиазмом брался за очередное дело и быстро остывал, но в экстремальных ситуациях ему не было равных. Милорадович организовывал тушение пожаров, во время наводнения 1824 года лично участвовал в спасении попавших в беду петербуржцев. А вот бумаги зачистую подписывал не читая...

Женат он не был, возможно потому, что «имел слабость к женщинам и боялся, что будет расстраивать свою жену, если женится». Его расточительность и щедрость не знали границ; уже в юные годы он огорчал этим своего отца, который журил его за легкомыслие; но таким он остался до самой смерти. Милорадович тратил на женщин огромные деньги; после смерти его имущества едва хватило на покрытие всех долгов.

THE THRILL OF BATTLE

Early in the autumn of 1822 Miloradovich moved to the apartments provided to him by the state on Bolshaya Morskaya Ulitsa. Accustomed as he was to the difficulties and dangers of army life, he openly displayed his boredom in peacetime. He might lounge on his divan for hours, smoking his pipe and sadly repeating, “No war!”

As Governor General he enthusiastically took up matters as they came along then rapidly cooled, but in a crisis no-one could match him. Miloradovich organized the fighting of fires and during the great flood of 1824 he personally took part in the rescue of Petersburgers in distress. On the other hand, he frequently signed papers without reading them.

He never married, perhaps because he “had a weakness for women and was afraid he would upset his wife if he married.” His extravagance and generosity knew no bounds. Miloradovich spent vast amounts on women. After his death the sale of his estates barely covered all his debts.

«Я НАДЕЯЛСЯ НА НЕГО, А ОН ГУБИТ РОССИЮ»

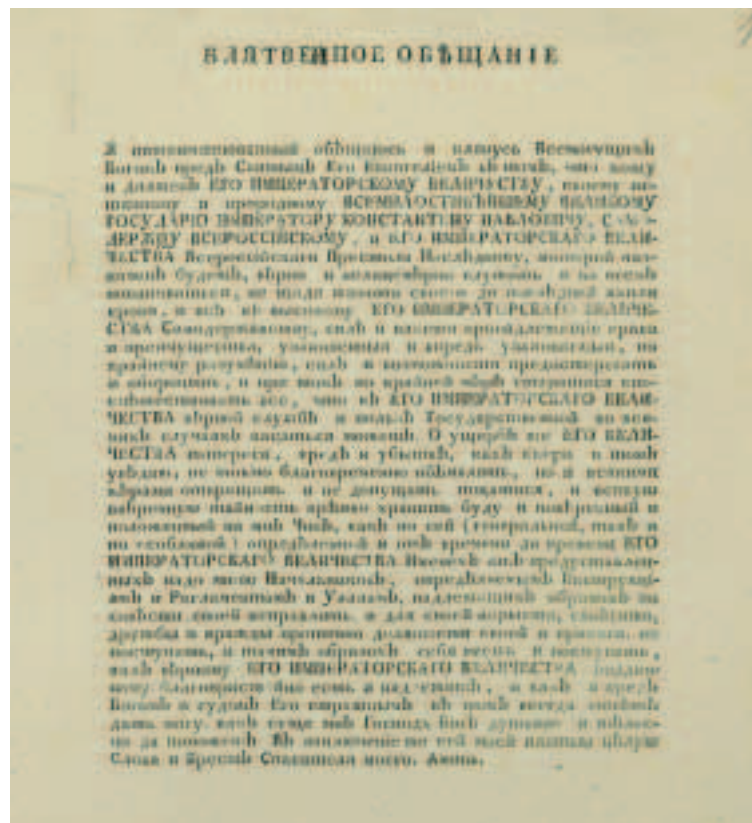
При получении известия о смерти Александра I, который любил Милорадовича и всегда ему покровительствовал, Милорадович выказал необыкновенную твердость характера, которая, если бы он остался жив, могла ему стоить дальнейшей карьеры. Когда великий князь Николай Павлович сообщил ему, что уже несколько лет назад император уведомил его об отказе великого князя Константина от права на престол и о том, что в случае кончины императора Александра I присягу придется приносить ему, Николаю, Милорадович отвечал наотрез, «что отречение Константина не явное и осталось не обнародованным... что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут всё измене... что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах и неминуемое затем последствие будет возмущение». Категоричная позиция Милорадовича привела к тому, что Николай Павлович, Государственный совет и Сенат 27 ноября 1825 года присягнули на верность Константину Павловичу. И лишь когда было получено официальное отречение Константина, присягу на верность императору Николаю назначили на 14 декабря 1825 года. Это промедление в принятии присяги Николаю было «смерти подобно», имен-

но оно спровоцировало декабрьский мятеж и стоило жизни не только графу Милорадовичу.

Милорадович, как и Николай, знал о готовившемся заговоре и все же не арестовал ни Рыльева, ни Бестужева, никого из известных ему заговорщиков. Почему? Быть может, это была беспечность отважного воина, привыкшего находиться на переднем крае? Возможно, Милорадович предполагал, что решительный отказ гвардии присягнуть Николаю — это единственный способ заставить Константина Павловича, которого Милорадович высоко ценил и с которым был дружен, принять корону. «Я надеялся на него, а он губит Россию», — сказал он о Константине.

Великий князь Константин Павлович.
Ниже — текст присяги, которая была принята 27 ноября.
Grand Duke Konstantin Pavlovich. Below is the text of the oath taken on 27 November 1825.

Император Николай I.
Гравюра на стали.
Emperor Nicholas I.
Steel engraving.

“I PUT MY HOPE IN HIM, AND HE IS RUINING RUSSIA.”

After receiving the news of Alexander I's death, Miloradovich displayed exceptional firmness of character that, had he lived, may well have cost him his further career. When Grand Duke Nicholas Pavlovich (the third of the brothers) informed him that, several years before, the Emperor had told him of Grand Duke Konstantin's decision to give up his rights to the throne and that in the event of Alexander I's death fealty was to be sworn to him, Nicholas, Miloradovich replied that “Konstantin's abdication was not overt and has remained unannounced... so neither the people, nor the army will understand the abdication and put everything down to treason... that, finally, the Guards will decisively refuse to swear fealty to Nicholas under such circumstances and the inevitable consequence of that will be insurrection.” Miloradovich's categorical stance led to Nicholas, the State Council and the Senate taking an oath of fealty to Konstantin (who was living in Warsaw) on 27 November 1825. And only then, when Konstantin's official abdication had been received, was the swearing of fealty to

Emperor Nicholas fixed for 14 December. This delay in swearing fealty to Nicholas provoked the Decembrist uprising and cost the lives of not only Count Miloradovich, but of many others too.

Miloradovich, like Nicholas, was aware of the conspiracy that was brewing, yet he arrested neither Pyleyev, nor Bestuzhev, nor any of the conspirators known to him. Why? Perhaps it was the unconcern of a valiant soldier accustomed to being in the front line? Perhaps Miloradovich reckoned that a decisive refusal by the Guards to swear fealty to Nicholas was the only way to force Konstantin, whom Miloradovich esteemed highly and who was his friend, to accept the crown. “I put my hope in him, and he is ruining Russia,” he said of Konstantin.

Подлая пуля

Когда Московский полк и Гвардейский экипаж утром 14 декабря выстроились на Сенатской площади, Милорадович понял, что его нерешительность и не принятые вовремя меры дали возможность организовать это вооруженное выступление. Он считал, что обязан сам исправить свою ошибку, и решил вступить в переговоры с восставшими полками. Многие предупреждали его о смертельной опасности. Знаменателен ответ Милорадовича командиру Конногвардейского полка Орлову: «Que serait-ce donc un Gouverneur-General, qui ne saurait repandre son sang, quand le sang doit couler?» («Что же это за генерал-губернатор, если он боится пролить свою кровь, когда кровопролитие неизбежно?»).

Жаждавший крови фанатик и смельчак, готовый ее пролить, не могли не столкнуться в этот день на Сенатской площади. Переодетый простолюдином Каховский подобрался к генералу со спины и выстрелил из пистолета в упор. Адьютант едва успел подхватить падающего с коня Милорадовича, который, преодолевая боль и не издав ни единого стога, боролся со смертью четырнадцать часов.

Когда медики извлекли пулю, граф попросил осмотреть ее и произнес: «Слава Богу! Эта пуля не солдатская. Теперь я совершенно счастлив...» Пуля оказалась со специальной насечкой; она разрывала при

Декабрист Петр Каховский, убийца графа Милорадовича.
The Decembrist Piotr Kakhovsky who shot Count Miloradovich.

прохождении ткани больше, чем обычная. Умиравший Милорадович, собравшись с силами, пошутил: мол, жаль, что после сытного завтрака не смог переварить такого ничтожного катышка.

Перед самой смертью он продиктовал свою последнюю волю. Среди прочего там значилось: «Прошу Государя Императора, если то возможно, отпустить на волю всех моих людей и крестьян». А ведь ни один из декабристов не сделал ничего подобного до реформы 1861 года!

Михаила Андреевича Милорадовича похоронили в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры при огромном стечении народа, пришедшего с ним проститься. В 1937 году, когда церковь Святого Духа в Александро-Невской лавре была разрушена, прах и надгробная плита над могилой М. А. Милорадовича были перенесены в обращенную в музей Благовещенскую церковь Александро-Невской лавры, где сейчас они и находятся. ■

When the physicians extracted the bullet, the Count asked to see it and said, "Thank God! It's not a soldier's bullet. Now I am completely happy..." The bullet turned out to be specially notched so that it caused more damage to the tissues as it passed through. The dying Miloradovich gathered his strength and joked, saying it was a pity that after a substantial breakfast he was unable to digest such a trifling pellet.

Right before his death he dictated his will. Among other things it stated, "I request the Emperor, if it be possible, to grant freedom to all my men and peasants." Not one of the Decembrists did anything similar before the reforms of 1861!

Mikhail Miloradovich was buried in the Church of the Holy Spirit in the Alexander Nevsky Monastery amid an immense crowd of people who came to bid him farewell. In 1937 when the Church of the Holy Spirit was demolished his remains and tombstone were moved to the Church of the Annunciation in the same monastery where they remain to this day. ■

Нанесение смертельной раны графу Милорадовичу 14 декабря 1825 года. Сх. рисунка Шарлеманя, гравированный графом Е. А. Милорадовичем.

Нанесение смертельной раны графу Милорадовичу. Гравюра с рисунка Шарлеманя.
Справа. Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям», в котором сообщается о событиях 14 декабря и о смертельном ранении Милорадовича.

The Fatal Wounding of Count Miloradovich. Engraving from a drawing by Charlemagne.
Right: The supplement to the newspaper Sankt-Peterburgskiyе Vedomosti reporting on the events of 14 December and the fatal wounding of Miloradovich.

«Пуля по этому направлению снизу вверх, от спины к груди перервала диафрагму, пробила все части, осунув их вниз, и остановилась под правым соском. Рана неслыханно ужасная».

Из воспоминаний адъютанта Башуцкого

"The bullet travelling up from below, from the back to the chest, tore the diaphragm, broke through all the parts and stopped beneath the right nipple. An incredibly awful wound."

From the memoirs of Adjutant Bashutsky

A DASTARDLY BULLET

When the Moskovsky Regiment and the Naval Guards drew up on Senate Square on the morning of 14 December, Miloradovich grasped that failure to take timely measures had provided the opportunity to organize this armed demonstration. He felt himself obliged to personally correct his mistake and decided to start negotiations with the mutineers. Many warned him of the deadly danger. Miloradovich gave a remarkable reply to Orlov, the commander of the Horse Guards Regiment: "Que serait-ce donc un Gouverneur-General, qui ne saurait repandre son sang, quand le sang doit couler?" – "What kind of a Governor General would it be who feared to shed his blood when blood has to be shed?"

The fanatic thirsty for blood and the daredevil prepared to shed it were bound to encounter each other that day on Senate Square. Kakhovsky, dressed as one of the common people, made his way up to the General from behind and fired his pistol at point-blank range. The adjutant barely managed to catch Miloradovich as he slipped from his horse. His battle with death lasted fourteen hours.